

Ровно сорок пять лет назад в секретном Арзамасе-16 (сегодня — Саров) была разоблачена подпольная молодёжная антисоветская организация «Феникс». Правоверные саровские комсомольцы решили, что советская власть недостаточно радикальна и революционна, и решили взять дело в свои молодые руки...

Мыслимое ли дело — подпольная молодёжная организация в суперсекретном ядерном Арзамасе-16! Невероятно, но факт: во второй половине наизастойнейших 1970-х годов в этом закрытом городе, родине отечественного атомного оружия, действовала антисоветская группа. Правда, антисоветской её можно было назвать с натяжкой. Просто правоверные саровские комсомольцы решили, что власть недостаточно радикальна и революционна, и решили взять дело в свои молодые руки... Для них это было чем-то вроде игры, но взрослые отнеслись к ней, как и следовало ожидать, вполне серьёзно.

Семидесятые

Что мы помним о семидесятых годах прошлого века? Мир кипит. На далёкой Кубе победила революция. Там Фидель Кастро, молодой и красивый, строит на сказочно прекрасном острове свободное справедливое общество. Его сподвижник Эрнесто Че Гевара, добившись свободы для своей страны, добивается её для Боливии. В Чили власть захватили фашисты, Луис Корвалан томится в тюрьме, стадионы Сантьяго превращены в концлагеря... Набирает силу движение хиппи, неопрятностью, свободной любовью и наркотиками протестующих против затхлого буржуазного строя. Планета бурлит, отовсюду веют свежие революционные ветры, ветра романтики и свободы!

А в Советском Союзе мальчишки смотрели «Неуловимых мстителей» и пели: «Много в поле тропинок, только правда одна...» Те, что попроще, упивались бамовско-стройотрядовской романтикой, те, что поумнее, прислушивались к разговорам старших товарищей и штудировали Ленина. Мягущаяся интеллигенция обсуждала происходящее в стране на кухонных посиделках, которыми всё и ограничивалось. Застой, одним словом...

Романтика оставалась только в песнях, книгах и фильмах. Но в реальной жизни её так не хватало молодёжи, которая со свойственным ей максимализмом считала, что идеи социализма извращаются, на собраниях и политинформациях говорится одно, а на улицах происходит совсем другое. И они своими молодыми силами хотели всё изменить...

Что именно и как менять — это уже зависело от уровня интеллекта и моральных качеств каждого отдельного человека. Меркантильные тупо и целеустремлённо делали карьеру. Романтики ехали за туманом, выискивая то, чего найти нельзя нигде, кроме как в самом себе. Творческие становились «пофигистами»: а пошли вы все! — спускались в полуподвалы котельных поэтическими дворянниками. Я лично, как и дружественное моё окружение, не очень-то заморачивался политикой; разрывался между секцией карате, клубом любителей служебного собаководства и туристским клубом. Байдарка, костёр, гитара... за туманом, в общем. О диссидентах слышал, конечно, но что-то такое смутное и раздражающее. Правда, отец рассказывал про Сахарова, «который был неплохой мужик, но которого сбила с пути истинного жена-еврейка». Отец знал, о чём говорил: несколько раз он по дороге на работу здоровался с вежливым Сахаровым, когда тому приходила в голову фантазия летним солнечным утром прогуляться до управления пешочком, постоять у стнда с информацией «Они мешают нам жить и работать» и бодрыми полосами свежей «Правды»...

Кстати, именно тогда мне довелось услышать, как «Голос Америки» сквозь треск и вой радиопомех сообщил советским слушателям о том, что на стыке Горьковской области и Мордовии, в глухих лесах, действует окружённый тремя рядами колючей проволоки и тщательно охраняемый лагерь для инакомыслящих. То бишь лагерь для особо опасных политзаключённых. Для меня, жителя Арзамаса-16, это звучало смешно. Никакого лагеря здесь не было, а был секретный «ядерный» город. Однако, как выяснилось, имелись в Арзамасе-16 и инакомыслящие, те, кому было «за идею обидно»... Вот именно эти ребята семнадцати-двадцати лет и создали в Арзамасе-16 подпольную группу с жизнеутверждающим названием «Феникс».

Тогда всю подоплёку событий мало кто знал. По городу ходили только слухи: деятельность «Феникса» обнаружили, пресекли, расследовали и наказывали втихую, но, разумеется, безжалостно. А потом и вовсе забыли. Те, кто тогда был мал или приехал в город позднее, об этом даже не знают. А история-то интересная. Хотя бы тем, что именно в самые «хлебные», благополучные времена, в самый разгар застоя была создана оппозиционная существовавшему строю организация. И где — повторюсь — в секретном городе, на ядерном объекте!

Как это было

Сегодня довольно трудно досконально восстановить ход событий, программу «революционеров» из «Феникса» и методы, которые они собирались использовать. Причин тому много. И оттого, что в беседах со следователями КГБ они могли сказать (да и говорили) заведомую неправду (хотя для такого типа людей лгать, как правило, нехарактерно, но страх, страх...). И оттого, что сейчас, спустя десятилетия, бывшие члены «Феникса» по-разному рассказывают эту историю, по-разному к ней относятся. А кто-то даже спустя десятилетия предпочитает молчать...

Весьма оригинально отозвался однажды на мою просьбу ответить на пару вопросов о «Фениксе» один из его руководителей — Сергей Скрипка: он вдруг созвал пресс-конференцию для корреспондентов городских газет и попытался изложить своё видение событий на тот момент более чем тридцатилетней давности. Но с его видением не согласились другие участники группы, да и некоторые документы...

Итак, чего же хотели саровские «карбонарии»? Если говорить совсем уж кратко — свободы! Речь, естественно, шла о свободе совести, собраний, слова и так далее. При этом главным был лозунг «Долой Брежнева!».

Как собирались это технически осуществить? Добыть оружие. Для этого (по словам одних) хотели украсть из тира мелкокалиберные винтовки или (по рассказам других) напасть и отобрать автомат у часового на «периметре» (Арзамас-16 окружён колючей проволокой и охраняется вооружёнными караулами). Ещё было намерение ядерного шантажа: «забраться на реактор, торознуть стержень в верхнем положении», а охрана (по рассказу С. Скрипки, других данных об этом «варианте» нет) — свои, сочувствующие, из солдат и молодых офицеров.

Сотрудники КГБ накрыли «революционеров» быстро. Но, позанимавшись ими некоторое время и всё для себя уяснив, передали в руки партии, а та привлекла к «разборкам» педагогов и комсомол.

На столе передо мной в открытой папке «Дело» с тесёмочками лежат пожелтевшие листки

с отпечатанным на пишущей машинке текстом — выписки из протоколов с пометкой «Секретно. Экз. №1». Попали они ко мне почти случайно, когда после неудавшегося путча 1991 года городские коммунисты бросили часть своего архива на произвол судьбы и некоторые папки попросту свалили в кучу, которую собирались сжечь. Но один из партийцев — мне до сих пор неясно, по какой причине, — забрал кое-что и принёс мне. Так что именно до этих бумаг огонь так и не добрался...

На первой странице — подзабытый лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и гриф «Секретно». Должности допрашивающих не указаны, но я знаю, что это городские партийные и комсомольские функционеры.

Чего хотели саровские «фениксы», создавая группу и планируя накануне захвата реактора встретиться с опальным академиком Андреем Сахаровым, становится ясно сразу же. И сразу же становится ясно, отчего КГБ не заинтересовался «подпольщиками». Наивно, наивно и ещё раз наивно.

Из протокола №61 заседания бюро ГК ВЛКСМ от 17 февраля 1977 года:

Скрипка:

— Хотели попросить у Сахарова денег и оружия.

Галузин:

— Кто, по-твоему, Сахаров?

Скрипка:

— Контра.

Галузин:

— Как хотели ему представиться?

Скрипка:

— Правыми.

Труфанова:

— Ваша политика иезуитов? У иезуитов ведь был лозунг «цель оправдывает средства».

Скрипка:

— В наши планы входила ликвидация нежелательных лидеров, например, Мао. Входила в планы помощь «Чёрным пантерам», создание интербригад для практической помощи в какой-либо части мира.

Из протокола №61 заседания бюро ГК ВЛКСМ от 17 февраля 1977 года:

Труфанова:

— Так всё-таки что вами планировалось?

Казакевич:

— Планировалось реорганизовать всеобщую избирательную систему, такие клубы планировалось создать, тысяч по пятьдесят (видимо, человек. — Авт.) — по уровню развития, и самые сознательные будут управлять страной.

Шапалов:

— Вы хотели уничтожить лидеров — каких?

Казакевич:

— Тех, кого карают незаслуженно мягко. Например, тех, кто зарабатывает деньги незаконно.

Тут поневоле вспомнишь Юрия Деточкина — «советского Робин Гуда» — из фильма Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля», смесь подростковой наивности с обострённым чувством справедливости...

Есть в протоколе один момент, который сейчас можно расценивать двояко: и как трусость, и как безрассудную иронию в отношении допрашивающих:

Галузин:

— С чего бы ты начал свою жизнь?

Прохоров:

— Работать бы пошёл. В КГБ.

Среди планов «Феникса» был и «международный»: сбежать из СССР, наняться на какой-нибудь торговый корабль юнгами и добраться до Кубы, где и продолжить революционную деятельность. Или же уплыть в Чили и освободить Луиса Корвалана. Такая вот программа-максимум.

Ну не утопия ли?! Юнги, революции, освобождение узников... Но, с другой стороны, спустя двадцать лет кое-что из того, что планировали эти дети, осуществилось, в том числе отмена цензуры и пресловутой шестой статьи Конституции.

По рассказам действующих и отставных сотрудников ФСБ, которым довелось тогда «прикоснуться» к тем событиям, «фениксы» планировали проникновение в высшие эшелоны власти, чтобы, занимая весомые посты, честно исполнять свои чиновничьи обязанности и влиять на умы людей — вести своего рода просветительскую деятельность.

За год до разгрома «Феникса» один из активистов организации, Саша Казакевич, забрался в типографию, чтобы добыть шрифты для печатания листовок, прокламаций, но попытка оказалась неудачной. И шрифтов не добыл, и пришлось побеседовать со следователем КГБ В. Глушковым. Но, как писал парнишка в личном дневнике, *«мы его здорово надули, начали говорить совсем о другом»*. Листовки, которые предполагалось распространять на Первомайском празднике в 1977 году, отпечатали на пишущей машинке, которая имела у другого члена группы, Василия Синицина. Искали «революционеры» контактов и со взрослыми, но те от них шарахались как от чумных. Пожалуй, единственным человеком, который не отнёсся пренебрежительно к «молодым и горячим», был Л. В. Юрьев, тогда — старший инженер одного из секторов Ядерного центра, за что впоследствии и поплатился.

Из справки начальника отдела УКГБ:

«Юрьев Л. В., 1923 г.р.,... давал ребятам книги В. Дудинцева „Не хлебом единым“ и „Один день Ивана Денисовича“ А. Солженицына».

Провал

Само собой разумеется, бунт молодых был изначально обречён на провал. КГБ в те годы был, пожалуй, единственной организацией в стране, которой не коснулся застой, и свои обязанности сотрудники этого ведомства выполняли если и не из-за патриотизма, то ради карьеры с похвальным усердием.

...Февраль 1977 года. День рождения одного из членов «Феникса». Музыка любимых «Beatles», негромкие разговоры на кухне... Споров больше нет — они давно приелись. Ребята собрались, кажется, подвести итоги и больше не возвращаться к этим темам — бесполезно. Бесполезно полдюжине умненьких мальчишек, живущих в золотой клетке «объекта», о котором тогда говорили: здесь построен социализм в отдельно взятом городе, — мечтать о переустройстве общества. Эта машина задавила уже не одну сотню тысяч и таких же, и даже более умных, сильных, опытных. Бессмысленно... Наверное, придётся учиться жить по правилам, которые существуют.

Дверь распахивается, врываются несколько офицеров с пистолетами и удостоверениями сотрудников КГБ. Арест, допросы, очные ставки... Дома волнуются мамы, беспомощно курят отцы, ничего не понимают младшие братишки и сестрёнки.

Правда, вот как именно КГБ вышел на подпольную организацию, неясно. Среди бумаг, попавших ко мне, ни одна не проливает света на это вопрос. Сами участники «Феникса», может быть, и знают ответ на него, но молчат или отговариваются общими фразами. Нельзя, конечно, исключить и версию, что кто-то из них просто испугался, сдался сам и сдал друзей...

Кто они

Казакевич. Спокойный молчаливый парень. Образование среднее. Именно его считали руководителем «Феникса». Много читал о декабристах, 150-летний юбилей восстания которых отмечали в 1975 году. Оттуда и принцип тайной организации.

Из материалов дела:

«Его отец А. Т. Казакевич писал диссертацию. Контакта с сыном не было. Часто лечился в Москве, был тяжело болен. Отец был удивлён тем, что сына его арестовал КГБ. Уходя вечером, тот сказал, что идёт гулять. Политическим высказываниям отца не доверял. Его часто заставляли за слушанием иностранного радио. С матерью контакты были лучше».

Скрипка. Любопытный парень, много читал. С детства хромал и воспитывался вдали от детей.

Из материалов дела:

«В школе учился хорошо и для самоутверждения вошёл в рассматриваемую организацию неформальным идеологом. Доверял отцу. Дружил

с девушкой. Заграничное радио не слушал. Во время игры в шахматы много спорил с Казакевичем. Отец считал себя виновным, что, видимо, не смог всё объяснить сыну, зная о его максималистских взглядах. Дети, по его мнению, не испытывали трудностей и не смогли оценить того, что имели. Сын считал, что в жизни есть много недостатков и он знает, как их исправить. Большое влияние на него оказывала „Литературная газета“.

Катраев. Единственный рабочий с восьмилетним образованием. Как выяснилось в ходе расследования, в организации не состоял и ничего о ней не знал, а просто встречался с некоторыми из ребят по вечерам.

Есинов. Студент, внимательно изучал Ленина и философию, во время каникул встречался с Казакевичем, дружил с ним.

Из материалов дела:

«Когда однажды его отец услышал обсуждение вопроса „воевать ли с Китаем?“, потребовал прекратить контакты с Казакевичем. Он напомнил сыну, что дед его и мать были беспризорниками и их вырастила советская власть. Отец несколько раз ездил в институт, отношение там к парню хорошее».

Синицын. Занимался в школьных кружках. Участвовал в конкурсах, много читал, работал. Ходил к Скрипке, когда тот болел.

Из материалов дела:

«Иностранное радио не слушал. Прямым членом организации не был. Честно рассказывал обо всём. Ему предложили вступить в организацию, он хотел отойти потихонечку. Мать состояла в родительском комитете, вела кружок математики, читала лекции».

Прохоров. Дружил со Скрипкой и Казакевичем.

Из материалов дела:

«Родители ничего не знали. Не слушал зарубежное радио. Читал много, в основном произведения советских и русских писателей, „Литературную газету“. Делал доклады в школе. Когда узнал об уставе и программе, пошёл на встречу, хотел объясниться и выйти из организации, но попал в засаду, и его арестовали. Парень стеснительный».

Между прочим, школа, где учились «заговорщики», слыва в Арзамасе-16 самой престижной, с преподаванием на английском языке. Как рассказывал потом один из участников дела, «она — школа — имела большой авторитет, и его умело создавали сами учителя. Везде, в том числе и в выступлениях на бюро ГК КПСС, они говорили об элитарности своих учащихся, об их необыкновенной одарённости и талантливости. Естественно, что фактически подобный подход создавал у самих

учащихся ощущение своей особой одарённости, хотя в определённой степени формировал и масштабность мышления, и чувство ответственности не только за себя, свою карьеру, но и за всё человечество». И главное: «Право определять умственные способности детей, считать одних из них „продвинутыми“, а другим выносить приговор отсталости требует великой осторожности. Ярлыки, навешенные в детстве, могут влиять на человека всю его жизнь».

Стоит хорошенько подумать нынешним «продвигателям» элитарности детских садов, школ и институтов...

А после были «оргвыводы». Вряд ли всё, что делалось с ребятами и их родителями, можно назвать слишком уж серьёзной расправой. Могло быть значительно хуже. Не случайно, по словам одного из участников расследования этого ЧП, тогдашний секретарь Горьковского обкома КПСС В. Ефимов, неплохо знавший обстановку в городе, посоветовал городскому руководству: «Не устраивайте у себя бойню!»

Но судьбы в результате пошли совсем по иным дорожкам, чем могли бы. Участие в «Фениксе», естественно, не прошло даром.

Оргвыводы

Из протокола № 61 п. 1 заседания бюро ГК влксм от 17 февраля 1977 года:

1. Прохорову Аркадию за нарушение Устава влксм, выразившееся в политической незрелости, в ослаблении идейной убеждённости (замарано в протоколе) объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку.
2. Синицыну Василию за (замарано) нарушение Устава влксм, выразившееся в потере политической бдительности в борьбе с проявлением буржуазной идеологии (замарано три строчки) объявить выговор с занесением в учётную карточку.
3. Скрипку Сергея за проступки (замарано), несовместимые со званием комсомольца, выразившиеся в создании антисоветской (замарано) группы молодёжи (замарано четыре строчки) исключить из членов влксм.
4. Казакевича Александра за проступки, несовместимые со званием комсомольца, выразившиеся в создании антисоветской группы молодёжи террористического характера (замарано пять строк), исключить из членов влксм.

Потом принялись за родителей.

Приказ по внииЭФ от 19 апреля 1977 года № 531л:

Приказываю:

1. За серьёзные упущения в идейно-политическом воспитании молодёжи, что является несовместимым с требованиями, предъявляемыми руководителям, освободить от занимаемой должности:

— начальника лаборатории 02 сектора 11 т. Есипова Эдуарда Константиновича;
— начальника лаборатории 03 сектора 13 т. Синицина Михаила Васильевича;
— начальника лаборатории 09 сектора 11 т. Скрипку Георгия Михайловича;
— начальника отдела НИКА т. Прохорова Владимира Яковлевича (несколькими днями раньше руководимый Владимиром Яковлевичем отдел занял первое место в подразделении, в том числе и за то, что не было ни одного привода в милицию молодых сотрудников.— Авт.).

Обязать руководителей подразделений, отделов, лабораторий и служб усилить политико-воспитательную работу в коллективах, особенно среди молодёжи.

Директор института Л. Д. Рябев.

Досталось и элитной школе. Директору вынесли строгий выговор, заместитель по воспитательной работе был освобождён от педагогической работы (правда, без взыскания). Руководителю горно А. Н. Зубилину рекомендовали *«сдерживать амбиции педагогического коллектива и не позволять больше выгонять из школы детей, отстающих в учёбе»*.

О том, что были наложены и партийные взыскания, говорить не приходится. А вот отец Саши Казакевича... На одиннадцатое марта была назначена защита диссертации, которую ему всё равно не дали бы защитить, но... В этот день он умер на крыльце горкома партии, выхода после беседы с тогдашним секретарём Ивановским. Функционер не захотел отменить собрание, на котором отца «антисоветчика» должны были исключать из партии.

Последствия злополучного дела «Феникса» расходились потом кругами на воде ещё несколько лет.

Александр Казакевич в том злополучном 1977 году работал на секретном заводе «Авангард», был таки призван в армию, хотя и имел, как все авангардовцы, бронь. Военком сказал матери, что её сын считается осуждённым, а таким дорога только в стройбат... Потом были и придирки, и побег из части из-за несправедливого отношения командира, и исключение под надуманным предлогом из университета, и увольнение жены с режимного предприятия, и невозможность получить высшее образование— университет Александру удалось закончить только далеко от дома, в Сибири...

Аркадий Прохоров после всей этой истории тоже долго страдал от мелочных придирок учителей. Например, когда восьмого марта 1977 года друзья собрались устроить вечеринку у него дома, классный руководитель сказала, что не пустит своих учеников в дом к врагу народа. Травля

прекратилась только после визита Аркадия в КГБ, где он попросил, чтобы его, если он виноват, наказали, а если нет... Прохоров закончил один из престижнейших институтов в Ленинграде и служил в уголовном розыске.

Очень долго не давали возможности поступить в университет и Сергею Скрипке. Донимали его изошрённо и долго.

Подполковник КГБ в отставке Владимир Тихонович Глушков, занимавшийся делом «Феникса», утверждает, что тогда органы безопасности работали в контакте с партийцами, а те привлекли отдел народного образования. Вот уж те-то, дескать, и проявили чрезмерное усердие...

После всех разборок было ещё постановление бюро ГК КПСС *«о неудовлетворительной работе школ №2 и №3 по идейно-политическому воспитанию учащихся старших классов»*, секретарям партийных организаций школ указали на слабый контроль за постановкой идейно-политического воспитания учеников старших классов.

Что же так напугало городские комитеты партий, комсомола и администрации двух лучших (и тогда, и сейчас) школ города, а также руководителей научных подразделений? То, что группа подростков так буквально восприняла все декларировавшиеся официальные идеи? Что мальчишки захотели быть «святое папы римского»? Вряд ли эти правдоискательские попытки юных максималистов стоило расценивать как расшатывание системы— наоборот, это было стремление её укрепить!

Ну скажите на милость, чего антисоветского в желании «построить истинный социализм, ехать на Кубу, в Анголу и бороться с американским империализмом», в намерениях свои коммунистические призывы разбрасывать в виде листовок на советских праздниках? Абсолютно ничего.

Рано или поздно противоречия в своих взглядах увидели бы и сами ребята, которые пытались совместить несовместимое. И вряд ли это было пробой сил, назревавших тогда для борьбы в верхних эшелонах власти, как это задним числом пытается преподнести кое-кто из участников тех давних событий. Просто власть имущие увидели, что вдалбливание догм ничего не даёт, что молодёжь выходит из-под контроля и все идеологические усилия уходят в песок...

Но что-то во всей этой истории, закончившейся провалом, искалеченными судьбами, грязными скандалами, до сих пор не даёт забыть о ней. Вспоминают до сих пор: кто с иронической усмешкой, кто с сочувственным пониманием... Принято считать, что на ошибках учатся. Но ещё говорят, что на своих ошибках учатся только дураки. А может, судьба у нас такая?..